

*Д.В. Прохоров**

СУБЪЕКТИВНЫЙ РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ И ДИНАМИКИ

В статье исследуется вопрос о целесообразности и комплексности определения представителей среднего класса через критерий самоидентификации. Такой подход позволяет определить, какие ценности и поведенческие стратегии присущи представителям данной категории, насколько они сформированы и осознаны отечественным средним классом за прошедший период преобразований. Государству как субъекту управления необходимо выявлять, привносить и использовать социальные ценности в качестве регуляторов, чтобы с их помощью эффективно управлять социальными системами и процессами.

С точки зрения социологической теории, социальная ценность является компонентом социальной системы, наделяемым особым значением в общественном сознании. Социальные ценности как социальные институты служат фокусом устремлений, желаний групп или отдельных лиц, рассматриваются как важные условия их существования, соответствующим образом оцениваются и регулируют поведение людей. Разделяемые индивидами и группами социальные ценности служат масштабом оценки поступков с точки зрения их соотношения с данной системой ценностей.

Субъекту управления в ходе оценки общественно значимых материальных и идеальных явлений постоянно необходимо выявлять и привносить социальные ценности и использовать их в качестве регуляторов, чтобы с их помощью эффективно управлять социальными системами и процессами, поддерживать устойчивость управляемой системы, что невозможно без процесса творческой деятельности. Поэтому, если в российском обществе признается важность создания и усиления среднего класса как общественной силы, то создание условий для формирования системы ценностей, основанной на гуманизме, достижении успеха и профессиональной самореализации, а также на установке на социальные инновации, на «движение вперед», преумножающее достояние социума — центральная задача российского государства.

Дискуссия о российском среднем классе на сегодняшний день имеет довольно длительную историю, и интерес исследователей к изучению этого понятия не ослабевает. Среди множества поднимаемых вопросов особый интерес представляют следующие: какова социальная динамика если не объективного, то хотя бы субъективного среднего класса в России за прошедший период преобразований в нашей стране и какие ценности и поведенческие стратегии присущи его представителям, насколько они сформированы и осознаны отечественным средним классом.

По данным последних исследований общественного мнения, «определение “средний” слой/класс готовы отнести к себе почти все россияне», что, по мнению иссле-

* © Прохоров Д.В., 2006

Прохоров Денис Викторович — кафедра государственного и муниципального управления Самарского государственного университета

дователей, является «отражением сложившейся в обществе нормы, социального правила» [1.С.50-53], имеющего социокультурные корни.

Притягательность и ценность идеи «срединности», «центризма», «среднего человека» — одной из наиболее популярных в противоречивых трансформационных общественных процессах — заключается в воплощении и утверждении нормы в раздираемом крайностями обществе, в убежденности, что «середина» общества сохраняется, несмотря ни на что. Как показывает динамика субъективно определяемого статуса, по данным исследований Нижегородского отдела ИС РАН, на протяжении с 1988 по 1995 гг. самоотнесение к средним статусным позициям остается достаточно высоким, хотя очевидна тенденция к размыванию данного слоя. Так, например, по результатам специального исследования в Нижнем Новгороде к среднему классу относили себя: в 1988 г. — 70,4% респондентов, в 1993 г. — 52,7%, в 1995 г. — 38,2% [2.С.115]. Частично здесь на самооценке людей сказались негативные факторы нисходящей мобильности, но тем не менее вряд ли можно утверждать, что речь идет о реальном, а не иллюзорном социальном статусе. Еще одна группа исследователей (Бюро экономического анализа) получила результат по субъективному критерию, равный 40-65% занятого населения России [3.С.68-69].

Критерии стиля поведения, ценностных установок и самоидентификации в обязательном порядке используются в исследованиях среднего класса наряду с объективными показателями.

В стабильно функционирующих западных обществах, где социологами активно применяются оба типа критериев, противоречия между ними не наблюдается. Существенных расхождений между объективными характеристиками индивида и его самоидентификацией, как правило, нет. Мнение исследователя, который руководствуется формальным набором признаков при оценке социальной принадлежности человека к тому или иному классу, и собственное мнение этого человека, когда ему предлагается определить свое место в социальной структуре общества, в большинстве случаев совпадают. В России такой очевидной ситуации нет. Причин для этого может быть несколько.

Во-первых, несовершенство объективной статистики доходов; во-вторых, привычная черта большинства постсоветских респондентов «быть как все», названная Ю. Левадой «равнением на середину» [4.С.291]; в-третьих, все та же российская особенность статусной рассогласованности. Именно последнее обстоятельство объясняет конкретные ситуации эмпирических исследований, когда прошлый престиж профессии, пусть и с крайне неудовлетворительным заработком на сегодняшний день, заставляет одних респондентов относить себя к верхним строчкам социальной лестницы, а других — к самым нижним.

Подобные факты резкого расхождения объективных и субъективных оценок некоторых исследователей приводят к выводу о том, что в современной России существуют как бы два поля оценок: «материальное» и «целостное». И высокие субъективные оценки имеют отношение именно ко второму из них [5.С.43].

Очевидно, критерий самоидентификации в любом случае не может быть исключен при определении и анализе среднего класса. Как показывает опыт эмпирических исследований на больших массивах респондентов, путаницы в понятиях и мотивах идентификации можно избежать, используя качественные (субъективные) методы оценок объективных показателей.

С точки зрения перспектив реформирования российского общества наибольший интерес представляют качества среднего слоя как определенной социальной общно-

сти — уровня его сплоченности, его сознания и поведения. В этом случае критерий субъективной оценки респондентом происходящих с ним и вокруг него процессов является решающим для понимания, так как центральный момент идентичности среднего класса следует усматривать в характеризующем индивидов этой группы комплексе представлений о социальной реальности и их месте в ней — представлений, регулирующих их жизненную активность и специфичных именно для данной страты, в той или иной мере отличающих ее от остальных слоев общества.

Любой человек в той или иной форме осознает свой статус, свое место в обществе, однако совсем не обязательно, что он четко относит себя к определенной социальной группе, тем более к такой, которая восходит к научной теории стратификации. Разумеется, большинство опрашиваемых так или иначе отвечает на вопросы социологов, предлагающих им отнести себя к определенной страте, представляемой как ступень социальной лестницы. Это является свидетельством того, что новая идентификационная система все больше укореняется в массовом сознании, а само понятие «средний класс» становится более привычным.

В то же время вербальная самоидентификация с одной из средних страт, очевидно, очень часто осуществляется по мотивам, имеющим весьма косвенное отношение к социетальной идентичности. Это может быть отражение в сознании людей лишь такого аспекта их общественного положения, как место в системе власти, т. е. «вертикальная самоидентификация». В этом случае образ социальной структуры превращается из многомерного в одномерный, как одномерна, например, стратификация внутри воинского подразделения или государственного ведомства. Именно из такой концепции исходит О. И. Шкаратан, рассматривая общественное устройство современной России как «прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы». «В российской социально-экономической системе, — говорит исследователь, — сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящейся в течение последних лет» [6.С.3]. Также распространенным мотивом самоидентификации выступает определение положения по «горизонтали» — по принадлежности к большим социально-профессиональным группам (рабочие, служащие, колхозники, интеллигенция) или корпорациям (шахтеры, железнодорожники, военные, учителя, ученые и т. п.) — здесь вертикальный принцип в ряде ситуаций тоже важен, но не как социетальный, а как внутрикорпоративный (научные степени и звания в высшем образовании и научных учреждениях, звания и должности в армии, звания в сфере искусства и т. п.). Все это говорит о том, что социальная идентичность постсоветского человека — это не столько самоопределение им своего устойчивого места в обществе, сколько отражение опыта и определение возможных перспектив индивидуального адаптационного процесса.

Как отмечает В. А. Ядов: «Социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные непривычные воздействия... Происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа к групповым солидарностям, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было определенного вектора» [7.С.171]. Для переходного общества характерны резкое усиление индивидуализации личных судеб, ослабление их зависимости от принадлежности людей к большим социально-профессиональным формализованным группам. Тот факт, что человек является специалистом с высшим образованием, квалифицированным рабочим, администратором или рядовым служащим, сам по себе не определяет ни уровень его дохода, ни реальный социальный

статус, ни стабильность его материального и социального положения. Индивидуальная инициатива и индивидуальное везение превращаются в решающие факторы, определяющие социальную позицию постсоветского человека.

Можно привести слова такого автора, как И. В. Мостовая: «Преобразование социальной структуры сопровождается разрушением одних и возникновением других оснований группового самопричисления. Взрывное изменение ориентаций общественной культуры и переход от модели социальной безопасности к модели социальной конкуренции не могут закрепиться без смены механизмов выживания» [8.С.91-92]. В силу своего «взрывного» характера эти механизмы каждый находит или вырабатывает самостоятельно. В этих условиях социальная идентичность теряет свойства «внешней» объективной данности, она становится чем-то приобретаемым или заново подтверждаемым в результате собственных усилий или счастливого стечения обстоятельств и чаще всего ничем не гарантированным, нуждающимся в защите достоянием. Такая идентичность сложнее, чем соотнесение с каким-либо слоем или группой: она включает совокупность представлений и социальных установок, отражающих оценку индивидом своих возможностей активного или пассивного приспособления к наличным социальным условиям, его восходящей или нисходящей мобильности либо стабилизации своей ситуации в рамках этих условий. В целом эта идентичность фиксирует не столько место человека в социальном пространстве, сколько возможности его перемещения в нем, оценить которые возможно, лишь сопоставляя их с возможностями других индивидов.

В трансформирующемся российском обществе основания самоидентификации не сливаются в комплексный многосоставный критерий определения устойчивого социального выбора. Универсальные критерии самоидентификации еще не сложились, отсюда неустойчивость социального позиционирования индивидов и социальных групп, размытость границ социальной идентичности. Каким же образом проявляют себя эти субъективные критерии, находящиеся на стадии становления?

Содержательно средний класс аккумулирует в себе людей, сумевших адаптироваться к новой рыночной ситуации, чей доход позволяет им чувствовать себя достаточно уверенно. Возраст влияет на «самостратовый» выбор: молодежи свойственны более высокие социальные амбиции, а в «третьем возрасте» (старше 55 лет) наблюдается статусная деградация. Представители молодых и средних возрастов по социальным характеристикам образуют так называемый «новый средний класс»; доля старших возрастов значительно ниже — преимущественно это выходцы из «советского среднего класса», сумевшие удачно приспособиться к новым условиям на фоне общей нисходящей мобильности социальных групп [9.С.391]. Существенно снижает шансы подняться выше среднего слоя отсутствие высшего образования, а отсутствие среднего специального образования, как правило, не пускает и в средний слой. К тому же специфику образовательному критерию придает весомость семейного образовательного капитала — образование родителей чаще всего, как показывает анализ Института комплексных социальных исследований РАН, у представителей среднего класса также высокое [10.С.72]. Представители среднего класса, который авторы исследования определяют как ядро (по максимальному соответствию выделенных критериев), вокруг которого располагаются представители нижнего, «срединных» и верхнего средних слоев (по своему положению и по границам, с которых начинается изменение качества жизни не только в смысле материального благополучия, но и профессиональных, образовательных, ценностно-мировоззренческих характеристик деятельности), более подготовлены относительно базовых навыков,

соответствующих современному стилю и уровню профессиональной деятельности: они в большей степени владеют навыками работы на компьютере, применяют иностранный язык. Причем разрыв по этим показателям особенно велик в двух нижних средних слоях [11.С.126-128;12.С.35].

Анализ выявил основную отличительную черту, которая подтверждает востребованность непрерывного повышения уровня квалификации и знаний и становится во многом определяющей социальное положение в современных социально-экономических условиях. Очевидны большая интенсивность профессионально-образовательной активности в среднем классе, а также нацеленность на приобретение новых знаний. Значение данной стратегии раскрывается в том, что, по выражению А. Ю. Согомонова, «"новый средний класс" берется сам определять для себя образовательные цели, задачи и педагогические средства и тем самым существенно принимает в этом процессе фактор власти» [13.С.206-207]. Таким образом, образовательная стратегия среднего класса и средних слоев выражается в устойчивой мотивации на содержание и карьеру в работе, более глубокой заинтересованности в профессиональной деятельности, а также в динамичной, прежде всего самостоятельной образовательной активности, в овладении необходимыми в современных условиях навыками «по ходу дела».

Уровень материальной обеспеченности является важным критерием самоидентификации: по данным исследования «Социально-экономическое положение населения России» на 2003 год, интервал личных заработков от 2 до 5 тыс. руб. — это порог, по достижении которого люди уже не видят себя представителями нижних социальных слоев [14.С.187]. С учетом уровня инфляции этот порог соответственно вырос.

Связь между должностной позицией и оценкой общественного положения проявляется в том, что с повышением формального социального статуса (до руководящих должностей различного уровня) число высоко оценивших свое общественное положение увеличивается; однако наличие среди руководящих работников заметной доли тех, кто считает свое положение средним или даже ниже среднего, свидетельствует о несформированности ролевых статусных позиций в современном российском обществе. Наличие постоянной работы и одновременно регулярной дополнительной занятости в большей степени предопределяет попадание на средние и верхние ступени социальной лестницы.

Высокая оценка собственного профессионализма предопределяет и высокую самооценку: в верхних стратификационных группах практически нет плохих профессионалов, что косвенно свидетельствует о том, что профессионализм является условием, необходимым для восходящей социальной мобильности. Тем не менее этот ресурс оказывается недостаточным для получения адекватного материального вознаграждения. Успехи и неудачи на пути социально-экономической адаптации во многом предопределили субъективный выбор страты: с повышением уровня адаптированности растет и социальная самооценка.

Для современной России весьма характерна следующая особенность самоидентификации: респонденты, относящиеся по объективным показателям к высшему и среднему слоям, оценивают свой статус, исходя из таких критериев, как профессиональный, образовательный и должностной уровень; а те, кто идентифицирует себя со слоями ниже среднего и низшим, исходят из доходного критерия. Это говорит прежде всего об отсутствии комплексного критерия, характерного для стабильно развивающихся обществ.

Обнаруживается заметная региональная дифференциация по критерию самоидентификации. В целом во всех регионах доля домохозяйств, согласно этому же исследованию, относящих себя к среднему слою, не опускается ниже 30%, за исключением Воронежской области, где она равна 27%. Исследователи выделяют регионы, где доля домохозяйств, относящих себя к среднему слою, достигает: 30-40% (Рязанская, Ростовская, Свердловская, Томская области и Приморский край); 40-50% (Республика Коми, Нижегородская, Ульяновская и Иркутская области); более 50% (Москва и Санкт-Петербург) [14.С.165].

Не менее значима и поселенческая дифференциация домохозяйств: самоотнесенные к нижнему слою преобладают в малых городах, а те, что составляют субъективный средний слой, доминируют в крупных городах. Данные о поселенческом распределении в процентном отношении указаны в таблице.

Таблица

Распределение домохозяйств различного общественного положения по типам поселений, в % [14.С.166]

Тип поселения	Общественное положение		
	Низкое	Ниже среднего	Среднее
Областной центр	31,5	39,1	47,8
Районный центр	43,6	35,5	33,5
Село	24,9	25,4	18,7

Что касается мировоззренческих характеристик и ценностных установок, то различные исследователи говорят об относительной сформированности этого критерия для представителей среднего класса, хотя «приписывание» им окончательно сложившихся и последовательных взглядов имеет мало оснований. Вот основные позиции, которые в ходе опросов можно выделить в качестве общих для большинства представителей российского среднего класса (сразу заметим, что мы не станем рассматривать требующие расширенного толкования формулировки типа «западные ценности подходят для России»/«России нужен свой путь развития», суждения по вопросу о приоритетах внешней политики России и симпатии представителей средних слоев конкретным политическим лидерам и партиям):

- представители средних слоев (и особенно их ядра — собственно среднего класса) реже высказываются о своем проигрыше от проводимых в 1990-е годы реформ. И хотя о выигрыше говорят не так часто, это также несколько выше (15% против 10% в средних слоях в целом) [10.С.73]. Очевидна сформированность достигательной жизненной позиции средних слоев. Индивидуальная самостоятельность и самореализация принадлежат к числу важнейших личных ценностей, а систему aspirations характеризует стремление к росту — будь то рост материального статуса, творческий и профессиональный успех или обновление форм жизненной активности. Проецируясь на социальный уровень, эти ценности осмысливаются как ценность свободы;

- признавая высокое значение успеха, второй стороной этой системы ценностей является ее социально-нравственное начало. Во многих интервью представителям среднего класса важно, чтобы соблюдались такие моральные нормы, как честность, порядочность, гуманизм, сострадание, внимание к нуждам отдельных людей и со-

циальных слоев — тех, кто потерпел неудачу в жесткой конкурентной борьбе, кто не в состоянии в силу объективных или субъективных причин занять средние позиции в новой иерархии материальных и социальных статусов;

- характерным признаком этоса среднего класса является неприятие национализма в тех его конкретных проявлениях, которые присущи России конца XX века;

- репрезентативные опросные данные о социально-экономических воззрениях российского среднего класса широко представлены в исследовании РНИСиНП. Приведем наиболее характерные из них: 2,1% респондентов из высшего и 4,5% из среднего слоя среднего класса высказались за плановое хозяйство, соответственно 29,2 и 37,9% — за государственную собственность с элементами рынка и частной собственности; 68,7 верхнего и 57,5% среднего слоя — за частную собственность с элементами госрегулирования или свободный рынок. В поддержку принципа конкуренции высказались 87,8% опрошенных, 12,2% — против; 80,9% отвергли принцип уравнивания доходов и поддержали требования их зависимости от результатов работы. Таким образом, экономический либерализм если не абсолютно господствует, то все же преобладает в данной весьма гетерогенной социальной среде. В то же время в большинстве случаев это либерализм не радикальный, сочетающийся с убеждением в необходимости сохранения или даже усиления государственного регулирования и государственной системы социальных гарантий. Среди опрошенных 59,9% высказались в пользу усиления роли государства в экономике и 40,1% — за расширение роли частного сектора; 52,9% посчитали необходимой государственную заботу о социальном благополучии всех членов общества и 47,1% предпочли сами обеспечивать собственное благополучие. Возложили на государство обеспечение рабочего места — 64,1%, гарантии справедливой оплаты труда — 60,1%, мед. страхование — 81,7%, пенсионное обеспечение — 90,3% [15.С.154-163];

- абсолютное большинство респондентов из всех слоев среднего класса считает в принципе справедливой зависимость качества образования детей от финансовых возможностей родителей, однако лишь меньшинство (25% в верхнем, 11% в среднем слое) отрицает необходимость мер, направленных на создание равных возможностей для всех членов общества [15.С.182-183];

- позиции респондентов по отношению к роли закона в жизни общества можно обозначить как «конвенциональные расхожие истины», повторяющиеся в сходных выражениях во многих интервью: «законы надо соблюдать, я человек законопослушный, платить налоги — дело святое» и т. д. В то же время многие участники интервью, особенно те, кто так или иначе связан со сферой бизнеса, признают невозможность реального выполнения этих норм в современных условиях. Ее объясняют или качеством законов (их противоречивостью, существующими в них пробелами), или тем, что законы практически не работают из-за их несоблюдения теми, кто должен контролировать их исполнение [16.С.221].

Библиографический список

1. Левинсон, А. О тех, кто называет себя средний класс / А. Левинсон, О. Стучевская, Я. Шукин // Вестник общественного мнения. — 2004. — №5. — С.48-62.
2. Балабанов, С.С. Социальные типы и социальная стратификация / С.С. Балабанов // Социологический журнал. — 1995. — №2. — С.114-122.
3. Средний класс в России: количественные и качественные оценки / под ред. Т.М. Малевой. — М.: Бюро экономического анализа, 2000. 286 с.

4. Левада, Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993-2000 / Ю.А. Левада. — М.: Московская школа политических исследований. — 2000. — 576 с.
5. Андреев, А.Л. «Два средних класса» в российском обществе? / А.Л. Андреев // Средний класс в современном российском обществе. — М.: РОССПЭН/РНИСиНП, 1999. — С.39-51.
6. Шкаратан, О.И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества / О.И. Шкаратан // Мир России. — 2004. — №1. — С.3-49.
7. Ядов, В.А. Символические примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен / В.А. Ядов // Проблемы теоретической социологии. — СПб.: Петрополис, 1994. — С. 169-183.
8. Мостовая, И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры / И.В. Мостовая. — М.: Механик, 1996. — 207 с.
9. Прохоров, Д.В. Средний класс современной России: критерии и границы / Д.В. Прохоров // Вестник молодых ученых СГЭА. — 2004. — №2. — С.386-392.
10. Попова, И.П. Средние слои, средний класс в российском обществе — к проблеме соотношения / И.П. Попова // Социологические исследования. — 2005. — №12. — С.65-76.
11. Тихонова, Н.Е. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества / Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова, И.П. Попова // Социологические исследования. — 2004. — №6. — С.120-130.
12. Тихонова, Н.Е. «Новые капиталисты»: кто они? / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. — 2005. — № 2. — С.29-39.
13. Согомонов, А. «Средний класс» и образование: quid pro quo? (конфликт толкований и концептуальная повестка на XXI век) / А. Согомонов // Отечественные записки. — 2002. — №2. — С.198-207.
14. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т.М. Малевой. — М.: Гендальф, 2003. — 506 с.
15. Средний класс в современном российском обществе / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. — М.: РОССПЭН/РНИСиНП, 1999. — 304 с.
16. Дилигенский, Г.Г. Люди среднего класса / Г.Г. Дилигенский. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 285 — с.

D.V. Prokhorov

SUBJECTIVE RUSSIAN MIDDLE CLASS AS AN OBJECT OF STATE MANAGEMENT: ASPECTS OF SOCIAL STRATEGY AND DYNAMICS

In the paper the problem concerning about the expediency and complexness of middle class representatives' definition by the criterions of self-identification is studied. This approach may define what social values and behavior strategies representatives of this category possess; how they are formed and realized by native middle class for the latter period of reforms. The state as a subject of management must reveal, give and use social values in the form of regulations that will help to manage the social systems and processes more effectively.